

Н.П. Загоскин

**Очерк истории смертной
казни в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.П. Загоскин**
Очерк истории смертной казни в России / Н.П. Загоскин – М.: Книга по Тре-
бованию, 2014. – 106 с.

ISBN 978-5-4241-5817-9

Очерк истории смертной казни в России.

ISBN 978-5-4241-5817-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

силу такого возрѣнія, государственная власть и не считает себя призванною брать на себя инициативу преслѣдованія преступнаго дѣянія до тѣхъ поръ, пока нѣтъ на лицо претензіи со стороны потерпѣвшаго, пока этотъ потерпѣвшій не выступитъ въ роли частнаго обвинителя, не уважаетъ и не уличитъ преступника. Нѣтъ частнаго обвинителя—нѣтъ и преслѣдованія преступника; этимъ основнымъ положеніемъ характеризуется древнѣйшая форма процесса, обуславливая собою такъ называемое *обвинительное начало* его, безразлично прилагаемое къ преслѣдованію какъ правонарушеній уголовныхъ, такъ и апростой, гражданской, неправды. Очень естественно, что, при такомъ возрѣніи на преступленіе и на судъ, и самое возрѣніе на наказаніе также проникнуто частнымъ началомъ: наказаніе имѣетъ ближайшею своею задачею лишь удовлетвореніе чувству мести со стороны потерпѣвшихъ и возстановленіе матеріальнаго зла, причиненнаго преступнымъ дѣяніемъ, не преслѣдуя, или почти не преслѣдуя, государственныхъ цѣлей. Отсюда архаическій институтъ *кровавой мести* и система имущественныхъ пеней, характеризующіе собою эту первичную пору развитія уголовного правосознанія всякаго народа, которая можетъ быть названа *эпохою господства частнаго возрѣнія* на преступленіе и наказаніе.

Въ дальнѣйшемъ развитіи жизни государства въ область отношеній общественнаго характера проникаетъ мало по малу государственное сознаніе, начинающее захватывать собою и самую идею государства, и его задачи, и всѣ его функціи. Государство, облекающееся теперь въ болѣе опредѣленныя и устойчивыя формы, окрѣпшее и усилившееся, стремится подчинить идеѣ своего единства и цѣлесообразности все частное и индивидуальное, закрѣпивъ въ служеніи интересамъ своимъ всѣ общественные элементы. Не безъ борьбы, конечно, достигается постепенное торжество идеи государственности надъ началомъ индивидуальности,—и эта борьба, въ большинствѣ случаевъ, глубоко бороздитъ собою историческую жизнь народа. Она не остается безъ отраженія и въ области возрѣній

на преступленіе и наказаніе. И здѣсь прежнее частное воззрѣніе постепенно вытѣсняется воззрѣніемъ государственнымъ, въ силу котораго основнымъ моментомъ уголовного правонарушенія выступаетъ, въ противоположность гражданской неправдѣ, уже не понятіе индивидуальной „обиды“, не нарушеніе частнаго интереса, но нарушеніе интересовъ всего государственнаго общежитія, правомѣрное развитіе котораго возможно лишь при разумномъ и согласномъ съ правомъ пользованіи каждымъ членомъ общества предоставленною ему сферою свободы. Параллельно съ этимъ измѣняется и взглядъ на наказаніе: не ограничиваясь удовлетвореніемъ интересовъ потерпѣвшаго отъ правонарушенія, оно стремится оградить интересы и безопасность всего общежитія, всего государства, воздѣйствуя на противорѣчащую правовымъ устоямъ его злую волю преступника. Кровавая месть уничтожается, какъ средство частнаго возмездія, несомѣстное съ достоинствомъ и авторитетомъ государства; она становится теперь самосудомъ, самоуправствомъ, и одна только государственная власть объявляетъ себя компетентною карать преступника. Все болѣе и болѣе ограничивается и кругъ имущественныхъ наказаній, взамѣнъ которыхъ расширяется кругъ личныхъ наказаній, падающихъ уже на самую личность преступника и имѣющихъ своею задачею, такъ или иначе, воздѣйствовать на злую волю преступника, лишивъ ее или физической или моральной возможности снова впасть въ правонарушеніе. Устрашеніе,—въ смыслѣ примѣненія къ преступнику такихъ суровыхъ, мучительныхъ каръ, которыя были бы въ состояніи навести на неблагонамѣренныхъ людей страхъ, ужасъ, и тѣмъ самымъ удержатъ ихъ отъ преступленій,—считается лучшимъ средствомъ такого воздѣйствія. Самые разнообразныя виды смертной казни, членовредительныя и тѣлесныя наказанія—теперь переполняютъ собою уголовныя кодексы, давая имъ крайне суровую окраску. Этотъ періодъ—является періодомъ борьбы окрѣпшаго и сознавшаго свои силы государства съ элементами, признаваемыми имъ несомѣстимыми съ его авторитетомъ и съ тре-

бованіями государственной цѣлесообразности; эта борьба принимаетъ въ высшей степени мрачный, кровавый характеръ, жакъ принимаетъ его и всякая борьба, производящаяся на почвѣ грубой силы. „Искорененіе“, „изведеніе“ преступниковъ, „лихихъ людей“—основная идея этой борьбы; плаха, застѣнокъ, пытка—ея излюбленныя орудія. Наряду съ старымъ обвинительнымъ началомъ и постепенно его вытѣсняя, для преслѣдованія уголовныхъ правонарушеній вырабатывается и новая форма процесса—это *сыскъ* или *розыскъ* (слѣдственный процессъ), при которомъ государство, объявивъ „изведеніе“ преступниковъ своимъ личнымъ дѣломъ, преслѣдуетъ преступленія уже помимо соображеній относительно наличности или отсутствія потерпѣвшаго, частнаго обвинителя; государство считаетъ себя, въ лицѣ своего праваго порядка, объектомъ всякаго злаго проявленія воли со стороны сочлена своего и прибѣгаетъ къ самозащитѣ, вступая въ борьбу съ этою злою волею. Прежній обвинительный процессъ выражаетъ теперь тенденцію сдѣлаться преобладающимъ средствомъ возстановленія гражданской неправды; *сыскъ* или *розыскъ* (инвизиціонный процессъ)—исключительнымъ средствомъ борьбы съ уголовною неправдою, хотя оба вида процесса и не достигаютъ въ этомъ отношеніи полного разграниченія. Такимъ образомъ, *государственное воззрѣніе на преступленіе и наказаніе, господство устрашительной карательной системы и сыскная форма процесса*—вотъ черты, характерныя для втораго періода развитія уголовного права, который можетъ быть названъ *эпохою господства устрашительныхъ наказаній*.

Къ счастью для культурнаго человѣчества, времена суроваго господства въ области уголовного законодательства и суда чистой системы устрашенія—уже сдѣлались во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ достояніемъ исторіи. Въ лицѣ смертной казни, это человѣчество готовится страхнуть съ себя послѣдніе остатки пережитой имъ эпохи борьбы государственной идеи за свое существованіе. Широкое развитіе идеи праваго государства, сильнаго своимъ нравственнымъ

авторитетомъ и уже не нуждающагося въ борьбѣ съ собственными гражданами своими; возрожденіе въ половинѣ XVIII-го столѣтія гуманитарныхъ ученій и попытки построения на почвѣ этихъ ученій системъ нравственности и права; успѣхи физиологій, психологій и психіатріи, заставившіе глубже разобратся въ сложномъ вопросѣ о свободной волѣ человѣка, а слѣдовательно и въ вопросѣ о творящихъ преступленія аномаліяхъ этой свободной воли, наконецъ мрачный опытъ минувшихъ вѣковъ, рождающій убѣжденность въ безрезультатности и даже въ отрицательныхъ послѣдствіяхъ устрашительной карательной системы,—все это, вмѣстѣ взятое, дало новое направленіе и доктринѣ уголовного права, и законодательствамъ, и уголовной практикѣ. Лучшие представители человѣческаго ума и знанія стали пытаться глубже разобратся въ господствующей уголовной системѣ, подвергнуть анализу самыя понятія преступленія и наказанія, какъ въ ихъ отвлеченной идеѣ, такъ и въ приложеніи къ дѣйствительной жизни—и въ результатѣ явилось высоко-гуманное сознаніе того, что не устрашеніе, не искорененіе и не истязаніе преступниковъ должно лежать въ основѣ современной карательной системы, но *исправленіе* преступника, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и его *врачеваніе*. Поэтому,—утверждаетъ современная доктрина уголовного права,—не должны и не могутъ имѣть мѣста въ кодексахъ и въ уголовной практикѣ такого рода кары, которыя рассчитаны на грубый эффектъ устрашенія, путемъ уничтоженія дарованной человѣку Богомъ жизни и причиненія ему безцѣльныхъ страданій. Это новое направленіе, не замедлившее отразиться и на законодательствахъ цивилизованныхъ народовъ, открываетъ для культурнаго міра новый періодъ въ развитіи уголовного права и уголовной практики, который характеризуется наименованіемъ *эпохи господства исправительныхъ наказаній*. Человѣчество только вступаетъ въ эту эпоху. Все ея будущее—впереди.

Новое и стоящее на уровнѣ современной культуры цивилизованныхъ народовъ воззрѣніе на преступленіе и наказаніе

и, въ частности, на смертную казнь—тѣсно связано съ памятью славнаго человѣка, имя котораго навсегда останется золотыми буквами начертаннымъ на скрижаляхъ исторіи человѣческой культуры.

Тяжелыя времена переживали европейскіе народы въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. Казалось, что человѣчество, забывъ Божественный завѣтъ: „Не убій“ и заповѣдь безконечной любви къ ближнему, напрягало всю свою изобрѣтательность къ тому, что бы придумывать злѣйшіе способы уничтожать, подъ высокою и чистою эгидою правосудія, себѣ подобныхъ. Эшафоты, висѣлицы, колеса и костры омрачали своимъ присутвіемъ городскія площади, содрагая нервы гражданъ видомъ нечеловѣческихъ мученій; инквизиція и тайныя судилища теряли счетъ ежедневнымъ жертвамъ своимъ; застѣнки переполнялись мнимыми или дѣйствительными преступниками, у которыхъ вырывали здѣсь сознаніе посредствомъ злѣйшихъ адскихъ пытокъ, какія могло только придумать изступленное изуверство.

И въ эту то мрачную пору разнесся отъ края до края цивилизованнаго міра смѣлый, исполненный могучей силы убѣжденія, голосъ, рѣзко и авторитетно возставшій противъ суровости уголовныхъ кодексовъ и уголовной практики того времени. Этотъ голосъ высказалъ безпощадное осужденіе современной ему карательной системѣ и, въ частности, смертной казни.

Голосъ этотъ принадлежалъ молодому итальянскому публицисту *Цезарю Беккариа*, выступившему въ 1764-мъ году съ своимъ бессмертнымъ трактатомъ: „*Dei delitti e delle pene*“, т. е. „О преступленіи и наказаніяхъ“. Смертная казнь и жестокія устрашительныя наказанія должны быть безусловно исключены изъ уголовныхъ кодексовъ, — возвѣстилъ здѣсь Беккариа. Эти кары бессильны не только уничтожить, но бессильны хотя бы только уменьшить преступность въ народѣ. Напротивъ: такія кары, какъ смертная казнь, лишь ожесточаютъ нрава деморализуютъ общество,—и, слѣдовательно, дѣ-

лаютъ людей болѣе воспримчивыми въ смыслѣ преступности. Не уничтожать преступниковъ и не устрашать общество безнравственнымъ видомъ казней призвано государство: оно должно стараться предупреждать самую возможность преступленій, а для этого обязано распространять въ народныхъ массахъ образованіе и предоставлять каждому члену общества пользование тѣми правами и условіями, которыя необходимы ему для удовлетворенія цѣлей физическаго и духовнаго существованія. Если же членъ общества впалъ въ преступленіе, въ такомъ случаѣ не мстить, не воздавать ему „око за око, зубъ за зубъ“ должно государство, но должно направить свои усилія къ исправленію его злой воли, къ его нравственному совершенствованію. Смертная казнь должна быть отмѣнена, — заключаетъ Беккаріа, — какъ не отвѣчающая ни религіознымъ, ни теоретическимъ, ни практическимъ цѣлямъ наказанія...

Впечатлѣніе, произведенное мыслями Беккаріа на умы современниковъ, можетъ быть названо колоссальнымъ, потрясающимъ, неслыханнымъ. Трактатъ его переводился почти на всѣ европейскіе языки, комментировался, выдерживалъ цѣлые ряды изданій. Онъ не преминулъ оказать и практическіе результаты. Нѣкоторые государи подъ впечатлѣніемъ его приостановили дѣйствіе смертной казни въ своихъ владѣніяхъ. Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни дѣлается предметомъ открытаго обсужденія въ обществѣ, съ кафедръ, въ залахъ законодательныхъ собраній. Уголовные трибуналы ссылаются на мысли Беккаріа и кладутъ ихъ въ основу своихъ приговоровъ. Русская императрица Екатерина II строитъ на ученіи итальянскаго криминалиста уголовную часть своего знаменитаго „Наказа комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія“ и дѣлаетъ попытку вызвать Беккаріа въ Россію....

Трактатъ Беккаріа подорвалъ самымъ безповоротнымъ образомъ вѣру въ правомѣрность, устрашительную силу и практическую цѣлесообразность смертной казни. Его ученіе произвело коренной переворотъ въ этомъ направленіи и въ наукѣ, и въ законодательствѣ, и въ общественномъ мнѣніи.

Цивилизованный міръ нѣсколько вздохнулъ отъ ужасовъ казней и застѣнковъ, такъ какъ со второй половины XVIII-го вѣка законодательства всѣхъ образованныхъ народовъ пошли быстрыми шагами въ постепенному ограниченію у себя смертной казни. Послѣдніе сто лѣтъ дали культурному міру уже 99 процентовъ отмѣны смертной казни за различныя преступленія, въ которыхъ они были раньше излюбленною карательною санкціею. Даже въ Англіи, — этой, какъ мѣтко выразился проф. А. Θ. Кистяковскій, „классической странѣ смертной казни“, — гдѣ еще въ концѣ XVIII-го столѣтія смертная казнь назначалась въ 160-ти случаяхъ, и тамъ она въ настоящее время назначается лишь за наиболѣе тяжкія государственныя преступленія и за убійство съ умысломъ. Тоже самое наблюдается и во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ государствахъ: вездѣ смертная казнь выражаетъ стремленіе быть пониженною до минимума, а въ нѣкоторыхъ государствахъ (напримѣръ въ Голландіи, Португаліи, Румыніи, Мексикѣ и нѣкоторыхъ штатахъ и кантонахъ Сѣверно-Американской и Швейцарской республикъ) отъ этого вида наказанія уже и теперь совершенно отказались.

Оставаясь вполне чуждыми патріотическаго фрондерства, неумѣстнаго ни въ чемъ, а тѣмъ болѣе въ области науки, мы, русскіе, можемъ съ національною гордостью указать на то, что въ вопросѣ объ ограниченіи смертной казни мы за послѣдніе полтора столѣтія лѣтъ не только не отставали отъ цивилизованныхъ народовъ западной Европы, но даже шли въ этомъ направленіи впереди ихъ. Мы въ своемъ мѣстѣ видимъ, что серьезная попытка фактической пріостановки дѣйствія смертной казни наблюдается въ нашемъ отечествѣ еще за нѣсколько лѣтъ до появленія въ свѣтъ знаменитаго трактата Беккариа; что примѣненіе смертной казни было ограничено у насъ если не юридически, то фактически, въ теченіи всей второй половины XVIII-го столѣтія; что и юридически смертная казнь явилась у насъ ограниченою на много лѣтъ раньше, сравнительно съ законодательствами великихъ за-

падно-европейскихъ державъ, идущихъ во главѣ развитія современной цивилизаціи.

Смертная казнь чужда правовому міровоззрѣнію русскаго народа, какъ чуждо ему и суровое отношеніе къ преступнику вообще. „Повинную голову мечъ не счѣтетъ“—говоритъ русская пословица. Русскій народъ изъ глубины вѣковъ унаслѣдовалъ себѣ воззрѣніе на преступленіе, какъ на „грѣхъ“, „прегрѣшеніе“, „несчастіе“. „Несчастные“, „несчастненькіе“—такъ до сихъ поръ называетъ нашъ народъ присужденныхъ къ наказанію преступниковъ, готовый подѣлиться съ такимъ „несчастненькимъ“ послѣднимъ трудовымъ грошемъ.... Смертная казнь долго не признавалась памятниками древняго русскаго свѣтскаго права: она остается чужда имъ до самаго конца XIV-го вѣка. Смертная казнь явилась на Руси наказаніемъ заноснымъ, привитымъ извнѣ, и вынуждена была вести долгую борьбу съ основами русскаго праваго міросозерцанія.

Тѣмъ не менѣе и русскому народу довелось пройти въ своей исторической жизни черезъ мрачную эпоху господства устрашительныхъ наказаній, съ смертной казнью во главѣ. Эта суровая эпоха съ полною силою отливается въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и достигаетъ своего апогея въ Воинскомъ Уставѣ императора Петра I-го. Только со второй четверти XVIII-го столѣтія начинается въ нашемъ отечествѣ реакція противъ смертной казни и русское уголовное законодательство вступаетъ въ вопросъ о смертной казни на путь развитія, который сводится къ постепенному ея отрицанію, въ смыслѣ возвращенія къ основамъ исконнаго русскаго правовоззрѣнія на этотъ видъ кары.

Я смѣю надѣяться, что только что высказанныя мною положенія въ достаточной степени оправдаются нижеслѣдующимъ очеркомъ исторіи смертной казни въ Россіи.

II.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Эпоха господства частнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе и постепеннаго перехода къ воззрѣнію государственному.

Исторія застаётъ восточно-славянскія племена, вошедшія впоследствии въ составъ русской народности, живущими въ условіяхъ быта, характеризующихся племенною обособленностью и господствомъ частныхъ, индивидуальныхъ, началъ. Этотъ индивидуализмъ проникаетъ собою взаимныя отношенія отдѣльныхъ племенъ между собою, обуславливая ихъ партикуляризмъ; онъ съ полною силою сказывается и во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ, въ предѣлахъ одного и того же племени. Этотъ партикуляризмъ жизни, эта рознь—уже очень рано обратили на себя вниманіе народовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ древнѣйшими предками нашими; этотъ партикуляризмъ былъ подмѣченъ и древнѣйшимъ русскимъ историческимъ памятникомъ—Начальною лѣтописью. „Живяху вождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще вождо родомъ своимъ“; „не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы и воевати почаша сами на ся“—такъ характеризуетъ лѣтопись условія быта нашихъ далекихъ предковъ, выходъ изъ которыхъ былъ найденъ въ учрежденіи общей княжеской власти. Этотъ послѣдній фактъ владетъ основаніе русской государственности и имъ открывается начало дальнѣйшаго и многовѣковаго историческаго процесса, сводящагося къ постепенному вытѣсненію изъ жизни началъ частныхъ, съ замѣною ихъ началами государственными.

Начальная лѣтопись оставила намъ указанія и на тѣ нормы права, которыми регулировали предки наши жизнь.

свою въ эпоху образованія русской государственности. Это—обычай, законы предковъ, преданія: „имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, вождо свой нравъ“, свидѣтельствуешь лѣтописецъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же обычнымъ правомъ, съ тѣми же „законами вѣкожизненныхъ боговъ“ и преданіями отцовъ и дѣдовъ, которые лежали въ основѣ правоваго быта и другихъ славянскихъ народностей и корни которыхъ уходятъ въ глубину тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда славяне жили еще на своей первоначальной родинѣ, когда еще не „разидеся словѣнскій азыкъ“. Весьма естественно, что отдѣльныя славянскія племена, образовавшія съ теченіемъ времени русскую народность, не могли сохранить въ полной неприкосновенности древнѣйшее обычное право свое. Оставаясь неприкосновеннымъ въ основахъ своихъ, коренящихся въ общемъ для всего славянства правосознаніи, вынесеннымъ еще изъ первоначальной родины, это обычное право должно было модифицироваться, принимать черты партикуляризма на новыхъ мѣстахъ поселенія, сообразно съ различіемъ условій жизни, въ которыя были поставлены здѣсь отдѣльныя племена.

Къ числу такихъ основъ правосознанія, общихъ всѣмъ восточно-славянскимъ племенамъ, которыя застаешь исторія на территоріи будущаго русскаго государства, относится частное воззрѣніе на преступленіе и наказаніе и, какъ ближайшее слѣдствіе его, широко поставленный институтъ *кровавой мести*. Мы уже знаемъ, что этотъ институтъ присущъ всѣмъ народамъ, стоящимъ на извѣстной степени развитія своей культуры и своего правоваго быта. Кровавая месть—это право мстить за „обиду“, къ понятію которой сводится въ эту пору жизни уголовное правонарушеніе. Въ преступленіяхъ противъ жизни, за убійство, мстятъ ближайшіе родственники убитаго, воздавая убійцѣ кровью за кровь; за нанесеніе ранъ или увѣчья мститъ самъ потерпѣвшій, если въ состояніи лично развѣдаться съ обидчикомъ,—въ противномъ случаѣ долгъ мести переходитъ на его сыновей. Институтъ кровавой мести